

фатерова о цели бытия, то есть, что «постоянное, твердйшее и непременишее существование, или бытие, есть цель бытия». Все сие путешественнику нашему кажется не только справедливо, но даже просто и ясно. Он рассказывает нам еще, что сей истинно великий муж любит оханье и аханье и что ему полюбились два датчанина, из которых один бьет себя по лбу и топает ногами, а другой складывает руки крестом и смотрит на небо, когда Лафатер говорит о чем-нибудь с жаром (том II, стр. 27).

В толь приятном обществе наслаждаясь досыта всюю роскошью улыбок, поцелуев, слез и вздохов, увеселясь и громом, и бурей, и прогулками по воде, и свадьбами, и похоронами, господин Карамзин отправляется во Францию. На дороге к границе заметил он на старых домах некоторые странные надписи. Одна из них похожа на *pop sequitur* и содержит в себе следующие слова: «На бога уповай ты мыслию своею, ибо сей дом называется черною свиньею». Сочинитель наш присовокупляет к тому некоторые рассуждения свои, которые немного лучше содержания надписи. В Фернее встретился господин Карамзин с двумя путешествующими молодыми англичанами. Мудрено было, естли бы в обществе, из таковых трех лиц состоящем, не произошло чего особливого. — Они пили очень хорошее французское вино за упокой и вечное блаженство души Волтеровой! (том II, стр. 101).

В Лионе господин Карамзин находит богатую для чувствительности своей пищу: видит пляску Вестриса, «у которого душа сидит в ногах».²⁰ Двое молодых французов делают ему множество вопросов, которые принимает он за французскую учтивость, и приходит от того «в некоторый род восхищения». Воспоминает, что он теперь на том самом месте, по которому бродил *Иорик*, ища гроба *Амандуса* и *Аманды*; и немало тому удивляется, что лионцы так много могут заниматься смятениями революции, что ничего не помышляют уже «о памятиках любви и нежности» (том II, стр. 206).

В доме сумасшедших господин Карамзин нашел одного больного, которой возбудил в нем род весьма естественного симпатического соболезнования: ²¹ «Один из сих несчастных, — пишет он, — сидел на галереи за маленьким столиком, на котором стояла чернильница. Бумагу и перо держал он в руке, в глубокой задумчивости облокотясь на столик. — Это философ, — сказал с усмешкою провожатый; — бумага и чернильница ему дороже хлеба. — А что он пишет? — Кто знает! какие-нибудь бредни; но начто лишать его безвредного удовольствия? — Правда, правда! — сказал я со вздохом» (том II, стр. 191).

В Париже путешественник наш (естли только это возможно) насыщается еще более. Там душа его в беспрестанном парении. Он странствует в Эрменонвиль и находит, что кто на Жан-Жаковом гробе видел заходящее солнце, тот все видел. «Я, — говорит он, — имел сию щастливую минуту в моей жизни (том III, стр. 184). В церкви св. Дионисия между прочими вещами превозносит он портрет *Орлеанской девки*, которая, — рассказывает он нам, — была героинею Волтеровой поэмы (том III, стр. 164). В улице Фернорери, где убит Генрих IV, не хотел он жить ни из чего на свете, и даже сердился на кучера, зачем повез он его по такой земле, которая не разверзлась и не поглотила гнусного Равальяка (том III, стр. 77).²²

²⁰ Англичанин справедливо насмехается над сим выражением; оно на всяком языке должно быть странно.

²¹ Подобные сему насмешки и колкие слова, относящиеся к лицу, не должны были бы примешиваться к суждению о книге.

²² Может быть, чувствования путешественника изображены здесь с некоторою излишностию по пословице: красно поле с рожью, а речь с ложью; но, впрочем, оные достойны похвалы, а не посмеяния.